

ВЕЛИКАЯ НАДЕЖДА

Море вокруг мыса Доброй Надежды темнело. Еще раз вспыхнули ненадолго пароходные линии — и снова погасли. Воздушные трассы сникли, как дерзкие замыслы. Острова боязливо сбивались в кучки. Море затопляло все градусы долготы и широты. Оно высмеивало всю мудрость мира, тяжелым шелком льнуло к светлой суше, так что южная оконечность Африки лишь угадывалась в сумерках. Оно лишало береговые очертания всякой основательности и скругляло их рваные линии.

Темень ступила на землю и медленно двинулась к северу. Как огромный караван, она широко и неудержимо пересекала пустыню. Эллен поправила сползшую на лицо матросскую шапочку и наморщила лоб. Она поспешно прикрыла Средиземное море рукой — маленькой белой рукой. Но это больше не помогало. Темень уже вошла в порты Европы.

Тяжелые тени опустились сквозь белые оконные рамы. Со двора слышался шум фонтана. Где-то замирал смех. От Дувра к Кале ползла муха.

Эллен мерзла. Она сорвала карту со стены и растелила ее на полу. Сложила из проездного билета белый бумажный кораблик с широким парусом по середине.

Корабль вышел из Гамбурга в море. Корабль вез детей. Детей, у которых не все было в порядке. Корабль был набит до отказа. Он проплыл вдоль западного побережья и принимал на борт все новых и новых детей. Детей в длинных пальто и с крошечными заплечными мешками, детей, которым надо было спастись бегством. Ни у кого из них не было разрешения на то, чтобы остаться, и ни у кого из них не было разрешения на отъезд.

Дети с неправильными дедушками и бабушками, дети без паспортов и виз, дети, за которых уже некому было поручиться. Поэтому они уезжали ночью. Никто об этом не знал. Они обходили стороной маяки и держались подальше от океанских лайнеров. Если им встречались рыбацкие суденышки, дети просили хлеба. Сострадания они не просили ни у кого.

Посреди океана они тянули головы поверх корабельных бортов и начинали петь. «Жу-жу-жу, вьется пчелка в поле», «It's a long way to Tipperary»,* «Зайчик в норке» и много чего еще. Месяц тянул через море серебряную елочную цепь. Он знал, что у них нет рулевого. Ветер с готовностью дул в их паруса.

---

* Долог путь до Типперери (англ.).

Он чувствовал то же, что они, он тоже был из тех, за кого уже некому поручиться. Рядом с ними плыла акула. Она вымолила себе право охранять их от людей. Когда ей становилось голодно, они делились с ней хлебом. А голодно ей бывало часто. За нее тоже некому было поручиться.

Она рассказывала детям, что на нее идет охота, а дети рассказывали ей, что на них тоже идет охота, что они уплыли тайком и очень волновались. У них не было ни паспортов, ни виз. Но они хотели выбраться во что бы то ни стало.

Акула утешала их, как может утешить только акула. И все время держалась рядом.

Перед ними всплыла подводная лодка. Они очень испугались, но когда матросы увидели, что на многих детях матросские шапочки, они ничего им не сделали, а угостили их апельсинами.

Акула как раз хотела рассказать детям какую-то забавную историю, чтобы отвлечь их от печальных мыслей, но тут разразилась страшная буря. Гигантская волна далеко отшвырнула бедную акулу. Месяц в ужасе сдернул с воды елочную цепь. Через палубу кораблика перехлестывала угольно-черная вода. Дети громко звали на помощь. За них никто не отвечал. Ни у кого не было спасательного пояса.

Большая, и светлая, и недостижимая, из ужаса выплыла Статуя Свободы. В первый и последний раз.

Эллен закричала во сне. Она лежала поперек карты и беспокойно металась от Европы к Америке и об-

ратно. Вытянутыми руками она касалась Сибири и Гавайев. В кулаке она сжимала бумажный кораблик, сжимала крепко.

Белые банкетки, обитые красным шелком, удивленно окружили ее. Высокие сверкающие двери тихо дрожали. Цветные плакаты потемнели от ее горя.

Эллен плакала. От ее слез промок Тихий океан. Ее шапочка свалилась с головы и закрыла часть полярного моря, окружавшего полюс. Оно и так слишком давило на этот мир! Ах, если бы не маленький бумажный кораблик!

Консул поднял голову от бумаг.

Он встал, обошел вокруг стола и вновь уселся. Часы у него остановились, и он понятия не имел, который час. Дело шло к полуночи. Ясно было одно: уже не сегодня, но еще не завтра.

Он накинул пальто и выключил свет. Он как раз собирался надеть шляпу, когда он это услышал. Шляпа так и осталась у него в руке. Это было похоже на кошачье мяуканье, беспомощное и непрерывное. Консул пришел в ярость.

Вероятно, мяуканье шло из помещения, где днем люди ждали, когда им откажут. Огромное множество людей с белыми, полными надежды лицами, — все они хотели выехать, потому что боялись и по-прежнему верили, что земля круглая. Невозможно объяснить им, что правило — это исключение, а исключение — это не правило. Невозможно растолко-

вать им разницу между Господом Богом и консульским чиновником. Они не переставали надеяться на то, что смогут взвесить в руке невесомое и исчислить неисчислимое. Они ни в какую не переставали надеяться.

Консул еще раз высунулся из окна и глянул вниз. Там никого не было. Он запер за собой дверь и сунул ключ в карман. Большими шагами он пересек анфиладу. Если разобраться, комнат для ожидания больше, чем просто комнат. Надежды больше, чем может исполниться. Надежды слишком много. В самом деле слишком?

От тишины делалось больно. Ночь была — черное по черному. Теплая, плотная, суконная, как траурное платье. Надейтесь, люди, надейтесь! Вплетайте в нее светлые ниточки! Пускай с другой стороны будет новый узор.

Консул прибавил шаг. Он посмотрел прямо перед собой и зевнул, но не успел отнять руки ото рта, как растянулся во весь рост. Он споткнулся о какое-то препятствие.

Консул вскочил. Он не сразу нашарил выключатель. Когда он включил свет, Элен еще спала. Рот у нее был приоткрыт. Она лежала на спине, руки сжаты в кулаки. Волосы у нее были подстрижены, как грива у пони, а на канте шапочки золотыми буквами было написано: Учебное судно «Нельсон». Она лежала между мысом Доброй Надежды и Статуей Свободы, и убраться ее отсюда не было никакой воз-

возможности. Остального ему было не рассмотреть, отчасти мешала шишка над левым глазом. Консул хотел было громко сказать нечто нелюбезное, но зажал себе рот ладонью. Он поднял шляпу с пола, отряхнулся. И потихоньку подошел к Эллен. Она дышала глубоко и часто, словно с каждым вдохом упускала что-то гораздо более важное.

Консул на цыпочках прокрался вокруг карты. Нагнулся, бережно поднял девочку с жесткой Земли и положил на шелк банкетки. Она вздохнула, не открывая глаз, и зарылась головой в свое светло-серое пальтишко — круглой, твердой головой. У консула затекли ноги; он поднял Эллен, снова отпер все двери и осторожно понес ее к себе в кабинет.

Часы пробили один раз — к этому времени нечего было бы добавить ни одним часам в мире. Время, когда или уже слишком поздно, или еще слишком рано, время после полуночи. Лаяла собака. Август. На открытой площадке, устроенной прямо на крыше, еще танцевали. Где-то кричала ночная птица.

Консул терпеливо ждал. Он уложил Эллен в кресло. Сам уселся напротив, сигара зажата в пальцах, ноги вытянуты во всю длину. Он был твердо намерен проявить терпение. За всю жизнь у него еще не было такого беспечного посетителя.

Голова Эллен лежала на спинке кресла. В лице — безграничное доверие. Это доверие высвечивал яркий свет торшера. Консул курил сигару за сигарой.

Он принес из шкафа большую плитку шоколада и выложил перед Эллен на курительный столик; кроме того, он приготовил красный карандаш. Да, еще он нашел гору разноцветных проспектов. Но все это было бессильно разбудить Эллен. Единственный раз она повернула голову в другую сторону — консул возбужденно выпрямился, но она уже опять заснула.

Пробило два часа. Фонтан все еще шумел. Консул чувствовал себя смертельно усталым. Портрет покойного президента удивленно улыбался ему. Консул попытался выдержать президентский взгляд. Но это было ему уже не по силам.

Когда Эллен проснулась, она сразу хватилась карты. Плитка шоколада и спящий консул никак не могли утешить ее в потере, об этом и речи быть не могло. Она наморщила лоб и подтянула к себе колени. Потом слезла с кресла и стала тормошить консула за плечи.

— Куда вы дели карту?

— Карту? — сконфуженно переспросил консул, поправил галстук и стал протирать глаза. — Ты кто такая?

— Где карта? — повторила Эллен с угрозой в голосе.

— Не знаю, — сердито сказал консул. — Ты что, думаешь, я ее спрятал?

— Может, и спрятал, — прошептала Эллен.

— Как ты могла подумать? — сказал консул, потягиваясь. — Кому придет в голову прятать целый земной шар?

— Плохо же вы знаете взрослых, — снисходительно возразила Эллен. — Вы консул?

— Да.

— Тогда... — сказала Эллен, — тогда... — У нее задрожали губы.

— Что тогда?

— Тогда это вы спрятали карту.

— Что еще за глупости? — сердито осведомился консул.

— Но вы еще можете все исправить. — Эллен порылась в своем портфеле. — У меня с собой папка для рисования и ручка. А то вдруг ваш стол уже заперт.

— Для чего мне все это?

— Для визы, — робко улыбнулась Эллен. — Пожалуйста, напишите мне визу! Бабушка сказала, это зависит от вас, стоит вам только расписаться. А бабушка у меня умная, можете мне поверить!

— Да, верю, — ответил он.

— Слава Богу! — улыбнулась Эллен. — Но тогда почему вы отказались дать мне визу? Мама не может уплыть без меня, одна. Кому она будет причесывать волосы и стирать носки? Кому она будет вечером рассказывать сказку, если она будет одна? Кому она будет чистить яблоко, если я с ней не поеду? И кто у нее схлопочет затрещину, когда у нее лопнет терпение?

Я не могу отпустить маму одну, господин консул. А маму высылают.

— Все не так просто, — объяснил консул, чтобы выиграть время.

— И все потому, — сказала Эллен, — что никто за меня не отвечает. Те, кто отвечает за маму, те не отвечают за меня. Это вопрос денег, говорит бабушка, смешно, говорит бабушка, воробьем больше или воробьем меньше, говорит бабушка, ну, уедет ребенок, даст тягу, и во всем виноват консул!

— Так говорит бабушка?

— Да. Никто не дает за меня никаких гарантий. На каждый холодильник бывает гарантия, только на меня — ничего. Бабушка говорит: все правильно, никто не может за меня отвечать, но за кого вообще можно отвечать, говорит бабушка, пока он не умер? У акулы и у ветра тоже нет никого, кто за них отвечает, но зато ни ветру, ни акуле не нужна виза!

— А теперь давай поговорим как разумные люди, — нетерпеливо предложил консул.

— Хорошо! — с готовностью согласилась Эллен. И принялась рассказывать ему историю про акулу, про детей без визы и про страшную бурю. Заодно она спела песенку. Потом стала рассказывать дальше. Громко и испуганно звучал ее голос из огромного кресла. Она забилась в самый угол, и залатанные подошвы ее ботинок умоляюще заглядывали ему в лицо.

Когда она кончила, он предложил ей шоколадку.

— А не может быть такого, что все это тебе приснилось? — осторожно спросил он.

— Приснилось? — закричала Эллен. — Ничего подобного! Тогда мне, по-вашему, приснилось, что дети во дворе больше не хотят со мной играть, приснилось, что маму высылают, а я должна оставаться одна, приснилось, что никто за меня не отвечает, приснилось, что вы спрятали карту и что мне отказали в визе?

— Все дети спят, — медленно сказал консул. — Только ты не спишь.

— Ночью в консульстве меньше народу, — пояснила Эллен. — Ночью не нужно номерков, ночью все получается гораздо быстрее, потому что это неприемные часы.

— Хорошая мысль!

— Да, — улыбнулась Эллен. — Сапожник у нас в доме, знаете, чешский сапожник, так вот он сказал: «Сходи к консулу, консул хороший человек, консул отвечает за ветер и за акул, консул и за тебя тоже отвечает!»

— Как ты сюда прошла? — спросил консул уже настойчивее.

— Дала швейцару яблоко.

— А может, тебе все приснилось? Иди-ка домой.

— Домой? — Эллен не сдавалась. — Это значит туда, где мама. А моя мама завтра уплывает, моя мама послезавтра будет уже там, где вокруг синева, где ве-

тер засыпает, а дельфины играют вокруг Статуи Свободы!

— Вокруг Статуи Свободы дельфины не играют, — перебил консул.

— Ну и что. — Эллен опустила голову на руки. — Я устала, мне уже давно пора спать, я же завтра уплываю.

Ее доверие было безжалостно. Оно веяло в прохладной комнате, как ветер пустыни.

— Дайте мне визу!

— У тебя температура, — сказал консул.

— Пожалуйста, дайте визу!

Она придвинула папку для рисования к самому его лицу. В зажим был вставлен белый лист, на котором большими неумелыми буквами было написано: «Виза». Вокруг была россыпь разноцветных цветов — цветы и птицы, — а внизу тянулась линейка для подписи.

— Я все принесла, вы только подпишите. Пожалуйста, господин консул, ну пожалуйста!

— Все не так просто. — Он встал и закрыл окно. — Не так просто, как с упражнением, которое тебе велели переписать после уроков. Пошли, — сказал он, — теперь пошли! Я все тебе объясню на улице.

— Нет! — закричала Эллен и сжалась в комок в кресле. Щеки у нее вспыхнули. — Пожалуйста! Сапожник говорил, сапожник же говорил: «Кто отвечает за ветер и за акул, тот и за тебя отвечает!»